

Одинцова М.П. Языковые образы “внутреннего человека” // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Часть 1. Омск, 2000. С. 11-28.

Седова Н.А. Соотношение образов частичного (частей) и целостного человека в языковой картине мира (на материале семантико-функционального макрополя “часть человека” в современном русском языке): Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2000.

Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная “анатомия” // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 3-16.

Н.А.ИЛЮХИНА

Самарский государственный университет

ОБРАЗНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СФЕРЫ ЭМОЦИЙ (К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ ПЕРЕНОСА)

Наблюдения за процессом образного моделирования сферы, связанной с человеком (его внутренним миром, речевой деятельностью, межличностными отношениями и т.п.), приводят к выводу о том, что способы интерпретации человека *совпадают* со способами образного моделирования частных концептов, представляющих аспекты жизнедеятельности человека, — слов-концептов *ум, чувство, печаль, сомнение, мечта, душа, слова, вера, боль, речь, песня, поступок* и многих других.

Общими являются как состав определений при соответствующих лексемах, так и состав образных моделей.

См. определения, способные характеризовать человека и те или иные его органы и стороны жизнедеятельности: *здоровый (больной) человек — здоровый (больной) орган, здоровый (больной) вид, здоровые (больные) мысли, здоровый (больной) ум; озорной мальчик — озорное лицо, озорное выражение лица, озорные глаза, озорной взгляд, танец, смех, озорная улыбка, выходка, шутка; зоркий человек — зоркие глаза, зоркое зрение, зоркий взгляд; седые волосы, седая голова — седой человек.*

Ту же картину выявляет наблюдение за процессом воспроизведения образа, интерпретирующего человека в разных его ипостасях, ср.: *Человек раскипятился, кипит — задор кипит, гнев кипит, спор кипит, жизнь кипит* и т.д.; *Обуздать хулигана, оседлать строптивца, жена встала на дыбы — обуздать гордыню, обуздать мысль, необузданные чувства, оседлать свое самолюбие, гордость встала на дыбы.* Приведем текстовые иллюстрации к картине функцио-

нирования образной модели “жидкая, водная субстанция” в ментальной сфере “человек”:

а) ассоциация образа с человеком: ...*заблестели недобрым блеском глаза: Чапаев бурлил негодованием...* (Фурманов); *В гостинице, едва я умываться стал, Вдруг слышу: Лидия бушует, словно Терек* (Некрасов); *Меня, как реку, Суровая эпоха повернула. Мне подменили жизнь. В другое русло, Мимо другого потекла она, И я своих не знаю берегов...* (Ахматова);

б) ассоциация образа с микроконцептами (“частями”) человека: *Стихия сладострастия бурлит в Мите гораздо сильнее, чем в Иване* (Кантор); ...*отвечал Вихров, еле удерживаясь от прихлынувшего задора* (Леонов); *Воспоминания нахлынули на нее ...она потонула в них* (Тургенев); ...*чувствуя всем сердцем своим, как надежда вливается в его сердце* (Достоевский); *Нутро ее наливалось теменью, клокотала в нем злоба...* (Астафьев); ...*как отозваться на страстный поток насмешек и острот* (Фурманов); *И слова его полились рекою* (Тургенев).

Такие факты наводят на мысль о том, что распространение образа в одной ментальной сфере в процессе его воспроизведения регулируется когнитивным механизмом метонимии, базирующимся на соотношениях *целое — часть, предмет — его признак (функция)* и других, которые отражают разновидности отношений смежности. В одних случаях можно с уверенностью говорить о конкретном направлении (векторе) переноса (целое → часть или часть → целое), в других случаях в рамках отношений смежности одного типа видятся возможности обоих векторов.

Еще более последовательно на частные концепты ментальной сферы “человек” распространяются образные модели, которые отражают один из базовых способов категоризации человека, хотя и не являются, на наш взгляд, метафорическими по происхождению. Речь идет о моделях “вместилище” и “живое”. По аналогии с человеком-вместилищем¹ (*Во мне что-то происходит*), по аналогии с другими физическими частями-вместилищами (*в голове,*

¹ В оценке особой значимости образ-схемы “вместилище” в когнитивной деятельности человека сошлёмся на известное мнение Дж. Лакоффа [Lakoff 1987; Лакофф 1996]. Такие оценки подтверждаются результатами исследования процессов категоризации действительности ребёнком. Категория локативности, как показывает В.В.Казаковская в статье, публикуемой в настоящем сборнике, формируется и получает оформление в речи ребенка одной из первых в ряду категорий, базовых для картины мира.

в груди) осмысляются и смежные с ними абстрактные “части” человека (его свойства и порождения), в том числе чувства: *сознание, ум, память, воображение, душа, чувство, печаль, гнев, радость, слова.*

В голове боль / это событие → в мозгах → в уме, в сознании, в памяти, в воображении, в воспоминаниях это событие;

Во мне (в груди) сумбур, восторг → в чувствах, в желаниях сумбур; а также человек в гневе, в страхе, в восторге;

В его руках деньги, чужая жизнь → в его власти, в его распоряжении деньги, чужая жизнь;

В его глазах мольба → в его взгляде, в выражении глаз мольба.

В рамках действия этой тенденции образ вместилища как способ образной интерпретации регулярно переносится с человека на его *состояние* – физиологическое, эмоциональное, интеллектуальное и т.д. Например: *во сне он видел...; ...я чувствовал ..., что она в своем тихом бреду, в предсмертном воображении видит меня...* (Набоков); *...Зак находился в истерической тревоге* (Набоков); *В этой тишине я заснул, ослабев от счастья, о котором писать не умею, – и сон мой был полон тобой* (Набоков). Ср.: *Теперь во мне спокойствие и счастье* (Тургенев) и – *И я, и я в разлуке изнемог. И я в тоске!* (Северянин).

Таким образом, стереотипные конструкции типа *в грусти, в памяти, в расстроенных чувствах, в беспокойстве, в волнении, в рассеянности, во сне* логично рассматривать как результат метонимического смещения модели вместилища со смежных концептов *в человеке, в голове, в груди*². Последние представляют собой физические вместилища и в то же время ассоциируются с определенными сферами человеческой деятельности, представляют в картине мира эти сферы: голова – прежде всего интеллектуальную сферу, грудь, сердце – прежде всего эмоциональную сферу и т.д. Категоризация органа как вместилища влечет за собой аналогичную категоризацию всех концептов-абстракций, отражающих ту же сферу деятельности человека: *в голове → в памяти, в уме, в сознании, в воображении, в мыслях, в воспоминаниях, в планах, в замыслах* и т.д.; *в груди, в сердце → в страхе, в гневе, в вос-*

² Объяснить такие выражения как метафоры, т.е. увидеть сходство между умом (чувством) и вместилищем, по нашему убеждению, гораздо труднее, т.к. между абсолютной абстракцией (умом, чувством) и конкретным предметом сходства нет, его можно только создать. Зато отношения смежности между головой и умом – очевидны, именно они и послужили основанием для переноса, точнее, смещения модели вместилища с предмета на его свойство, с предмета на его часть.

торге, в исступлении, в раздражении, в умилении и т.д. Подробнее об этом см. в [Илюхина 2002].

Так же мотивируется, на наш взгляд, олицетворение в сфере человека, зафиксированное в выражениях типа *рождаются и умирают чувства, приходит любовь, просыпается совесть, не изменяет память, подсказывает опыт, долг обязывает, тембр голоса выдал мое состояние*. Эти и аналогичные выражения являются результатом переноса способа категоризации человека как живого существа (образной модели “живое”) на его “части” – органы, представляющие соответствующие сферы его жизнедеятельности, а также на свойства и порождения (продукты психической и иной деятельности)³.

Подчеркнем, что в рассматриваемом отношении метонимия играет принципиально важную роль в образном моделировании действительности: определяет механизм функционирования образа, векторы его движения в рамках одной ментальной сферы, более того – обеспечивает в рамках этой сферы его *экспансию*.

Однако ее роль в процессах образного моделирования к этому не сводится. Есть основания предполагать, что наряду с моделями “вместилище” и “живое” значительная часть языковых выражений, которые принято квалифицировать как метафорические, связаны своим *происхождением* с когнитивным актом *метонимического* характера.

Как было показано, образная модель, в том числе метафорическая, попав в ту или иную ментальную сферу (вступив в ассоциативную связь с какой-либо реальией), оказывается во власти метонимических механизмов, управляющих векторами ее дальнейшего движения и обеспечивающих ее *экспансию* в рамках этой сферы. Наблюдения позволяют предполагать, что в ряде случаев и проникновение образа в конкретную ментальную сферу происходит в результате метонимического акта, который *практически не оставил следов своего проникновения*, и потому соответствующие выражения воспринимаются как метафоры.

Интересны для таких наблюдений стереотипные образные выражения, *устойчиво закрепленные* в качестве средства интерпрета-

³ Ср. персонификацию чувства, возникшую в результате переноса образа с субъекта на его чувство (с носителя состояния на его состояние, т.е. в результате метонимического акта): – *А любовь? – напомнила Тамара. – Пусть Вера и Надежда устарели. Но Любовь – вечная девушка, одинаковая во все времена* (Токарева).

ции за той или иной ментальной сферой. Устойчивость образа, его регулярная воспроизводимость заставляют предположить, что образ имеет какую-либо непосредственную эмпирическую опору в данной сфере.

Показателен в таком качестве образ жидкости как способ концептуализации эмоций, едва ли не самый частотный в этой функции. Вполне вероятно, что своим закреплением в данной сфере он обязан отношениям смежности — связи между состоянием человека и особенностями кровотока, состоянием человека и слезами (внешним проявлением чувств), состоянием человека и выпитым напитком (вином) и т.д. Отношения смежности между состоянием и разными видами “жидких субстанций” представляют линии множественной мотивации использования образа жидкости в этой сфере.

Наиболее тесно отношениями объективной смежности связаны кровотоки и сильные чувства (о чем свидетельствуют и медицинские источники): *клокотала, бурлила кровь* → *клокотал гнев, бурлила злоба, страсть*. Нередко контекст прямо указывает на такую связь: *О, называй меня безумным! Назови Чем хочешь: в этот миг я разумом слабею И в сердце чувствую такой прилив любви, Что не могу молчать, не стану, не умею!* (Фет); *Пуускай скудеет в жилах кровь, Но в сердце не скудеет нежность...* (Тютчев); *Теплое текучее счастье заполняло его всего, словно не кровью были налиты жилы, а вот этим счастьем, бьющимся в кисти, в виске, стучащим в грудь, выходящим из пальца рубиновой капелькой, если уколёт случайная булавка...* (Набоков); *Время эти понятия не стерло, Нужно только поднять верхний пласт — И, дымящейся кровью из горла, Чувства вечные хлынут на нас!..* (Высоцкий). В других контекстах (*струится нежность, разливается покой*) образ напрямую не соотносится нашим сознанием с кровью. Более того, сознание соотносит этот “чужой” для данной сферы образ (жидкость) с чувством и нащупывает между ними линии сходства (изменчивость, стихийность), позволяющие образно моделировать чувство с учетом объективно присущих ему свойств. Однако не случайно, как в приведенных выше примерах, такая “жидкость” устойчиво локализуется в сердце, в жилах.

Подтверждению высказанного предположения служат и устойчивые выражения, запечатлевшие непосредственную связь сильных эмоций с кровью:

1) *кровь бросилась (кинулась, ударила) в голову* кому-либо — “кто-либо пришел в исступление, сильное возбуждение и т.п.” [Фразеологический словарь 1986: 213]: *Кровь кинулась Григорию в голову,*

когда напал глазами на свой курень (Шолохов)⁴; Каждое слово протекало ядом по всем моим жилам. **Кровь бросилась мне в голову** (Тургенев);

2) **кровь бросилась** (кинулась) в лицо кому-либо – “кто-либо покраснел от стыда, смущения, досады” [там же: 213]: *Руки и ноги мои похолодели, а кровь кинулась в лицо* (Дружинин); *При объяснениях со старостами и приказчиками кровь бросалась ему в лицо и руки начинали сжиматься в кулаки* (Л.Толстой);

3) **кровь играет** (кипит, бродит, горит, бурлит) в ком-либо – 1) “кто-либо ощущает в себе избыток сил, энергии”; 2) “кто-либо испытывает сильное волнение, охвачен страстью, порывом чувства и т.п.” [там же: 213]: *Девка она молодая, кровь играет, жить хочется, а какая тут жизнь?* (Чехов); *И в беспокойстве непонятном Пылаю, тлею, кровь горит, И все языком, сердцу внятнм, О нежной страсти говорит* (Пушкин);

4) **кровь стынет** (леденеет, холодеет) в жилах у кого-либо – “кто-либо испытывает чувство страха, ужаса” [там же: 214]: **Кровь несчастного застыла в жилах, дыхание занялось в груди, голова закружилась** (Салтыков-Щедрин);

5) **сердце кровью обливается** у кого-либо – “кому-либо невыносимо тяжело от душевной боли, чувства сострадания, жалости, щемящей тоски и т.п.” [там же: 421]: **Сердце Прасковьи Ивановны обливалось кровью от жалости и ужаса** (Аксаков);

6) **портить кровь** кому-либо – “причинять неприятности, огорчения”; **портить себе кровь** – “нервничать, раздражаться, огорчаться” [там же: 345]: *Как ты права была в том, что не должно мне было принимать на себя эти хлопоты, за которые никто мне спасибо не скажет, а которые испортили мне столько уж крови, что все пивки дома нашего ее мне не высосут* (Пушкин).

Устойчивость связей эмоций и крови в поэтической речи фиксирует А.С.Киндеркнехт, изучавшая состав поэтических формул с компонентом “сердце” в русской поэзии начала XX века. По ее оценке, “сближение концептов СЕРДЦЕ – ПУЛЬС является наиболее частотной универсалией [выделено нами – Н.И.] в корпусе исследуемых формул в поэтической речи начала XX века (встречается 132 раза у 20 авторов)” [Киндеркнехт 1994:13]. Это тем более показательно, если учесть, что в поэтической речи сердце именуется, как известно, почти исключительно средоточие эмоционального мира человека.

⁴ Иллюстрации употребления фразеологизмов заимствованы из цитируемого Фразеологического словаря.

Представления о связи эмоционального поведения и некоторых видов органических жидкостей отражены в терминологических номинациях типов темперамента, предложенных Гиппократом. Каждый из четырех типов высшей нервной деятельности (сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик), проявляющийся в особенностях *эмоционального* состояния и поведения: в силе, глубине чувств, в устойчивости и скорости их протекания и т.д. [Современный словарь иностранных слов: 600], – имеет в наивной картине мира свой соматический источник – соответственно кровь, желчь, так называемую “черную желчь” и слизь⁵.

Очевидна соположенность эмоций и слез как одной из форм их проявления, нередко отражающаяся в контексте: *хлынули слезы – хлынули чувства, излить горе в слезах, выплакать горе; ...обида по щекам не потечет* (Митяев); *...несмотря на все свои усилия не поддаться нахлынувшему на нее чувству, заплакала...* (Тургенев); *“Я обожаю тебя”, – слабым голосом проговорил Франц и довольно долго, мокрыми глазами смотрел ей вслед* (Набоков); *Тревога за жизнь любимого сверлила мозг, не покидала ее днями, навевалась и ночью, и тогда то, что копилось в душе, взнузданное до времени волей, – рвало плотины: ночь, всю дотла, билась Аксинья в немом крике, в слезах...* (Шолохов).

В Словаре В.И.Даля эта связь подчеркнута при толковании слова *слеза*: “...слеза признак плача, и вызывается печалью, жалостью, а иногда и нечаянной радостью, или вообще сильным чувством” [Даль: 219].

⁵ *Флегма* (от гр. phlegma “слизь, мокрота”) – невозмутимость, граничащая с безразличием, равнодушием, хладнокровием; *флегматик* – человек, отличающийся (по своему темпераменту) медлительностью, спокойствием, слабым проявлением чувств [там же: 652]. *Холерик* (лат. cholericus < гр. chole “желчь”) – человек, отличающийся (по своему темпераменту) быстротой действий, сильными, быстро возникающими чувствами, ярко отражающимися в действиях, в речи, в жестах, мимике [там же: 672]. *Сангвиник* – (от лат. sanguis “кровь”) – человек, отличающийся (по своему темпераменту) быстрой возбудимостью, ярким внешним проявлением эмоций, легкой их сменяемостью [там же: 541]. *Меланхолия* (гр. melas “черный” + chole “желчь”): 1. Устаревшее название депрессии, происхождение которой древние греки объясняли отравлением “черной желчью”. 2 Уныние, тоска, грустное настроение. *Меланхолик* 1. Тот, кто страдает меланхолией (депрессией). 2. Человек, склонный к угнетенному настроению и мрачным мыслям. 3. Человек, отличающийся (по своему темпераменту) слабой возбудимостью, глубиной и длительностью эмоций. [Там же: 369].

Устойчивые и свободные сочетания с лексическим компонентом *слезы*: *лить слезы* (“плакать; горько плакать”) [Фразеологический словарь 1986: 227], *обливаться слезами* (“горько, безутешно плакать”), [там же: 291], *утопать в слезах* (“безутешно плакать”) [там же: 500], *глотать слезы* (“стараться сдерживать плач, рыдания”) [там же: 108], а также *потекли слезы*, *хлынули слезы* и другие — часто содержат слова, которые являются продуктивными в качестве метафорических характеристик эмоций: *течь*, *хлынуть*, *лить*, *тонуть* и производные. Так, одной из частных линий мотивации, обеспечивающей эффект непосредственного отождествления чувства и жидкости, может быть следующая: *глотать слезы обиды* (о физиологическом акте — попытке сдержать рыдания) → *глотать обиду* (обида = жидкость). Оказавшись в сочетании с абстрактным словом *обида*, глагол *глотать* абстрагирует свою семантику; выражение *глотать (проглотить) обиду* воспринимается как метафорическое и вследствие этого трансформирует значение.

Ср. контексты, сопровождающие характеристику эмоционального состояния и поведения лица одновременным указанием на кровь и на слезы: *И лучших дней надежды и любовь, В груди моей все оживает вновь, И мысли далеко несутся, И полон ум желаний и страстей, И кровь кипит — и слезы из очей, Как звуки друг за другом льются* (Лермонтов); *Сколько она себе крови испортила и слез пролила ради меня, я вам и сказать не могу* (Чехов).

Аналогичную роль могли сыграть представления о влиянии хмельных напитков на состояние человека, отраженные, в частности, во фразеологизме *бросаться (кидаться) в голову* — “оказывать опьяняющее действие. О водке, вине и т.п.” [Фразеологический словарь: 50]: *Разумихин был в необыкновенном возбуждении..., как будто все выпитое вино вновь, разом и с удвоенной силой, бросилось ему в голову* (Достоевский); *Выпитое в большом количестве, оно [вино] кидалось в голову, делало человека крикливым* (Куприн).

Спонтанная устная речь нередко способствует контаминации разных средств обозначения одной (в данном случае эмоциональной) ситуации: *кровь бурлит в ком-либо* → *чувства бурлят, выплакать слезы* → *выплакать горе, хлынули слезы* → *хлынули чувства*. (Подобного рода факты, фиксируемые как речевые ошибки, часто встречаются в устной речи: *истек регламент* ← *истекло время*; *доллар понизился* < *курс доллара понизился*; *поднять, выпить тост* ← *поднять бокал, выпить вино*; *платить аренду* ← *платить налог, деньги за аренду*).

Таким образом, устойчивость метафор жидкости в сфере чувств обусловлена их мотивацией по нескольким линиям. Для носителя

языка, неосознанно ощущающего эти связи, они служат эмпирической опорой для соответствующих образных стереотипов. “Чужой” образ используется сознанием как возможность мыслить и говорить об абстрактной реальности в логике иной реальности, имеющей физическую природу и детально параметризованной в сознании и языке.

Также с состоянием кровотока, выражающим себя в температурных ощущениях, связано, на наш взгляд, проникновение в эту сферу образов высокой / низкой температуры, см.: *Спорщики разгорячились; Девушка похолодела; кровь стынет (леденеет, холодеет) в жилах* у кого-либо – о чувстве страха, ужаса: *И между тем душа в ней ныла, И слез был полон томный взор. Вдруг топот!.. кровь ее застыла, Вот ближе! скачут... и на двор Евгений!* (Пушкин); *И сердце мое застыло* (Ахматова); *Злость постепенно остывала* (Распутин). Впоследствии, в результате “разработки” модели как метафорической (в процессе ее широкого лексического и семантического варьирования), образы, имеющие своим источником опыт тела, трансформируются, в частности, в образы огня и льда. Л.М. Васильев, Н.Д.Арутюнова, Л.Г.Бабенко и другие исследователи отмечают высокий удельный вес этой образной модели в характеристике сферы эмоций. См. лишь наиболее часто используемые лексемы и устойчивые сочетания: *гореть, жечь, палить, загораться, распалиться, кидать в жар, допекать, кипятиться, кипеть (гневом), доходить до белого каления, растаять, охладеть, остыть, леденеть, кровь стынет (холодеет, леденеет) в жилах* и т.д. Показательна в этом ряду лексема *хладнокровие*, фиксирующая прямую связь температурного состояния, крови и эмоционального состояния. См. примеры: *Мне не жаль, что огонь, закипевший в крови, Мое сердце сжигал и томил...* (Апухтин); *...пожара, пылавшего*⁶ *у меня всю ночь в жилах* (Набоков); *Ключ жизни – кровь, она родник здоровья. А что свежее юношеской крови? Кровь юноши – в цвету, она горит И жизнь из жизни заново творит* (Гете); *Как стужа меня измаяла, Этот сердечный мороз. Мне бы заплакать, чтоб сердце оттаяло, Да нет слез...* (Гиппиус). Обратим внимание: в типовых контекстах температурный образ связан с сердцем, кровью, жилами.

Действие тех же метонимических механизмов можно усмотреть и в истоках метафор физического воздействия давлением, широко распространенных в сфере сильных чувств, например: *...Я*

⁶ Ср. образ лавы, возникший на основе того же исходного образа: *...лава вдохновения клокочет на груди моей...* (Лермонтов).

чувствую, что ты вся — нега, вся — гроза, *Вся — молодость, вся — страсть*; и чувства без названия *Сжимают сердце* мне пленительной *тоской*, *И потерять тебя — боязнь моя безмерна...* (Северянин); *Но Франц, давясь чудесным волнением, вдруг наполнившим его при виде ночной улицы, глухо сказал...* (Набоков); *О женщина, твой вид и взгляд Ничуть меня в тупик не ставят. Ты вся как горла перехват, Когда его волнение сдавиг* (Пастернак). В таких случаях принято говорить о метафорическом переносе лексем физического действия и состояния на эмоциональное. Однако этот перенос исходно отражает отношения смежности — буквальную (а не образную) связь между эмоциональным состоянием и затрудненным / облегченным дыханием (физическим состоянием), не сходство, а естественную причинно-следственную связь. Так, в двух последних выражениях волнение и ощущение удушья объективно связаны причинно-следственными отношениями.

Итак, целый ряд образов, функционирующих в сфере эмоций на регулярной основе, отражают изначально отнюдь не образный взгляд на эту сферу. Это взгляд, фиксирующий естественную, уловленную человеком смежность психологических и физиологических механизмов жизнедеятельности — причинно-следственную связь процессов, которые не даны в непосредственном наблюдении, и их внешних проявлений.

Следование предложенной логике позволяет заключить, что в рассмотренных выше случаях метонимический перенос *генетически предшествовал* метафоре как *способ категоризации* соответствующих *концептов*. После того как сознание стихийно категоризовало абстрактную сущность (например, чувство в образе жидкости), оно начинает соотносить две эти сущности аналитически — на основе их *сравнения*, т.е. манипулировать образом как *метафорической* моделью.

Первичная категоризация абстрактной сущности (в данном случае эмоции) оказывается чрезвычайно важной, так как предопределяет направления ее дальнейшего метафорического моделирования. Последующие акты варьирования образной модели заключаются в ее разноаспектной конкретизации (в диапазоне того же образа “жидкости”) в поисках возможностей для более адекватной интерпретации (см. иллюстрации варьирования этого образа в начале статьи).

В заключение заметим, что предложенный подход к интерпретации динамической картины образного моделирования сферы эмоций базируется на категориях двух типов — содержательной категории образа и операциональных категориях метонимии

и метафоры. Все три категории, имеют, как известно, когнитивный статус и сохраняют свою релевантность в проекции на языковую систему. Как следует из представленных выше рассуждений, все три названные категории взаимодействуют более тесно и последовательно, чем это обычно констатируется. Такая закономерная взаимосвязь предопределяется особенностями механизмов речемышления.

Каждая из трех категорий имеет богатую историю изучения, однако лишь в рамках лингвокогнитивной парадигмы они оказались в фокусе лингвистических исследовательских интересов в качестве аспектов одного объекта – процесса образного моделирования действительности. Образ рассматривается как содержательная когнитивная единица, а метафора и метонимия – как механизмы его функционирования.

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976.

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989.

Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. М.: Русский язык, 1978 – 1980. Т.4.

Илюхина Н.А. Роль метонимии в интерпретации концептосферы “человек” (на материале ментальной модели “вместилище”) // Вестник Самарского государственного университета. Самара: Изд-во “Самарский университет”, 2002. № 3. С. 114 – 121.

Киндеркнехт А.С. Состав поэтических формул с компонентов “сердце” в русской поэзии начала XX века: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Пермь, 2003.

Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1996.

Современный словарь иностранных слов. СПб.: “Дуэт”, 1994.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. Изд. 4-е. М.: Русский язык, 1986.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Cicago, 1987.